

ДУХОВНІСТЬ ЛІТЕРАТУР СВІТУ

УДК 81'374

Гинкевич Оксана,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук
Николаевский национальный университет
имени В. А. Сухомлинского

КОНЦЕПТ «ДУША» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЕВСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЕВГЕНИИ МИШАНКИНОЙ

У статті розкрито поняття «концепт», проаналізовано концепт «душа», який реалізовано у творчості миколаївської поетеси Євгенії Мішанкіної, а також доведено, що частотність вживання концепта «душа» у поезії та у прозі співпадає.

Ключові слова: *концепт, концепт «душа» у мовознавстві, творчість миколаївської поетеси Євгенії Мішанкіної.*

The concept of «soul» as the mentality manifestation in the works of the Nikolayev poet Yevgenia Mishankina.

The concept of «concept» is disclosed in the article, the concept of «soul», realized in the work of the poet of Yevgenia Mishankina, was analyzed, and it is also proved that the frequency of the use of the concept «soul» in poetry and in prose coincides. In total, 6 definitions of the given word are given in the article, which testifies to the diversity of semantic and conceptual modifications, about the possibilities of interpreting this concept depending on the intention of the individual, on his individual language picture of the world and language consciousness.

Key words: *concept, concept of «soul» in linguistics, creativity of Nikolayev poetess Yevgenia Mishankina.*

В каждом естественном языке существуют так называемые ключевые слова – слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры.

Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощенные в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет. Описание ключевых слов позволяет получить о человеческом характере сведения, которые становятся результатом лингвистического анализа.

Целью данной статьи является анализ концепта «душа», реализованного в творчестве николаевской поэтессы Евгении Мишанкиной.

Будучи универсальным средством выражения мысли, язык воплощает в себе в то же время национальное своеобразие. Эту мысль в лингвистике высказал и обосновал А. А. Потебня. *«Слово выражает не все содержание понятия, а один из его признаков, – писал он,– именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим»* [Потебня 1993 : 35].

Как отмечает С. Г. Воркачев, *«в конкурентной борьбе в лингвистической литературе» с начала 90-х годов прошлого века «столкнулись термины «концепт» (впервые термин концепт употребил в 1928 году С. А. Аскольдов-Алексеев, позже – Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак и др.), «лингвокультурема» (В. В. Воробьев), «мифологема» (В. Н. Базылев, М. Лехтеэнмяки), «логоэпистема» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие про терминологические новообразования»* [Потебня 1993 : 73]. Концепт имеет «имя» («имена») в языке.

Чаще других исследователями используется определение, предложенное в «Кратком словаре когнитивных терминов»: *концепт – «это термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»* [КСКТ 2007 : 91]. Это определение отражает наиболее распространенное в современной лингвистике понимание концепта.

Мы хотели бы подробнее остановиться на концепте «душа» как зеркале русской языковой картины мира и рассмотреть его в национальной

картинемира, представленной в творчестве николаевской поэтессы Евгении Мишанкиной.

В Словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова в силу объективно-социальных обстоятельств на первое место в определении было выдвинуто следующее значение концепта «душа»: *«1. В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека»*. Желая соединить «религиозные» и «идеалистические» представления в некое целое и одним разом припечатать штампом порочного и запретного, эта редакция одновременно стерла и важнейшее различие между «душой» и «духом». Между тем, идеалистическая философия оперирует главным образом концептом «Дух», а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом «Душа», и эти концепты различны. Определение, предложенное в словаре В. Даля, оказывается, как видим, наиболее полным. Поправки в нем требуют только одно: слово «существо» надо заменить на слово «сущность», которое для Даля оставалось еще терминологически неосознанным» [СРЯ 1995 : 62].

Итак, слово душа не отождествляется со словами «дух», «сознание», «человек, личность», но тесно соприкасается с ними, – почему и может быть освещен через эти соприкосновения.

Своего рода усредненность, обычность для поэзии функционирования данного концепта в творчестве поэтессы Е. И. Мишанкиной может интерпретироваться как показатель неактуальности, незначимости для него повседневного присутствия в мире людей. Для поэзии важно *«предстание сущего бытию как Бытию, а даже не бытию в мире или бытию друг с другом»* [Мишанкина 2014 : 25].

Однако в отдельных стихах Мишанкиной «душа» способна выступать *«заместителем»* целого – всей внутренней жизни человека, беря на себя свойства и функции как *«сердца»* (собственно психики как сферы переживаний), так и сознания с его предсознательными и бессознательными

сферами; подчас, в этом своем метонимически-символическом значении, человеческая *душа* у поэтессы выступает вместо *мировой души* – проявляется индивидуальное, свойственное именно данному поэту значение концепта (по-видимому, в этом случае можно говорить об индивидуальном поэтическом символе). Подборка контекстов с их краткой сопутствующей интерпретацией такова: «*Душа моя, ты таинство теней*» (*душа* – вместилище памяти и хранитель индивидуальности личности), «*Мир души ночной*»: *душа* – поистине мир, «психологический космос», «*А наша общая душа под небом пела*» («*Среди целующихся волн*»: *душа* – «весь» человек в его эмоционально-реактивной связанности с сущим), *душа*– здесь вновь «весь» человек, но уже в его эмоционально-волевой собранности присутствия, «*Не продлеваются в душе протяжным эхом*» («*Музыкальная шкатулка*»): *душа* – в том же обобщенном значении, что и в стихотворении «Среди целующихся волн», однако акцент на избыточность бытия в сущем мира усиливается: и сущее, и мирность ушли – в душе как присутствию остается только ужас ничтожного Бытия [Мишанкина 2014 : 12].

Как можно увидеть из этой выборки, в индивидуально-поэтическом функционировании концепта «души» в стихотворениях Е. Мишанкиной происходит *ее (души)* выход за пределы чисто антропологической сущности как определяющей быт человека, означающей присутствие в мире людей. *Душа*, изоморфная мирозданию, вбирающая в себя бездну бессознательного ночного ужаса перед стихией бытия становится, как само человеческое присутствие в мире Мишанкиной, только чутким резонатором на Бытие в мире сущего. Если форма-субъект дискурса поэта подчеркнуто отнесена к бытию человека, то *душа* как содержательная сущность поистине имеет «двойное бытие», категоричность утверждения которого снижена у поэта постоянным маркером его стиля – словом «как бы», знаком «неоконченного, безусловного, недогматичного» – ведь само присутствие в мире Мишанкиной не имеет своего постоянного, раз и навсегда данного «места».

В собственно христианском значении, в оппозиции к «телу», концепт «душа» в стихах Е. Мишанкиной рассматриваемого периода употребляется лишь один раз в стихотворении *«Душа хотела б быть звездой...»*. Причем здесь *душа* входит в состав пространственно-метафизической оппозиции «земля – небо» (по отношению ко «дню – ночи», «северу – югу», «хаосу – космосу») эта оппозиция является скорее дополнительной, очевидно, по причине своей слишком явной христианской интонированности, которую Мишанкина пытается нейтрализовать или преодолеть сам дискурс в других стихах: *«Старая актриса»*, *«Настоящая игра»*, *«Мгновение тишины»*). Лишь в стихах первого сборника «душа» становится носителем не универсальной одушевленности, «животворности» мира, чисто формально ограниченной рамками индивидуального «я», но выразителем сугубо человеческих и сугубо индивидуальных чувств и переживаний личности, причем острота их чрезвычайно возрастает даже не со встречей, но позже: «душа» – это собственно носитель памяти и личной боли, в таких стихах Мишанкиной, как *«Зачем гадать?»*, *«Свет наружу»*, *«Вы мне нужны»*, *«О, чувство!»*, *«Гармония противоречий»* и др. [Мишанкина 2014 : 15, 22, 37, 43].

Часто в стихотворениях Мишанкиной можно встретить два ведущих значения концепта «душа», связанных с двумя периодами в жизни и творчестве поэтессы: язычески-пантеистическое и христианское. Коннотации первого значения *душа* несет в своем первом же употреблении в третьей строфе стихотворения, продолжающей тему разлада, нарушенного соответствия между макрокосмом (мирозданием) и микрокосмом (человеком), которая сформулирована во второй строфе. Однако здесь *душа* еще не индивидуальна -- это душа «всех нас», общечеловечества (ибо эксплицирован субъект стиха – «мы», т. е. «размытое», обобщенное «я»), она вызывает ассоциации с мировой душой: не случайно ее выступание в одном ряду с природной стихией «моря» и «мыслящим тростником» – поэтико-философским символом человека в мире Мишанкиной; *душа* здесь – это некое бессубъектное всезнание мира, странно, но, по существу, глубоко закономерно отделившееся от всего сущего

(непонятность и странность такой ситуации для лирического субъекта подчеркивается риторическим вопросом, начинающим третью строфу: «Откуда, как разлад возник?» [Мишанкина 2014 : 59]. В последней строфе осуществляется акт своеобразной персонификации души. Во-первых, здесь катастрофически раздвигается пространство: «от земли до крайних звезд»; во-вторых, само пространство лишается той предметной наполненности, множественности природного мира, которой оно обладало в первой строфе: мир устанавливается в своих крайних, граничащих пределах и иссушается, обезвоживается, если ранее он был напоен влагой, то теперь это поистине – «пустыня». В-третьих, в пространстве появляется вертикальное измерение, подразумевающее имплицитное введение христианско-религиозной парадигмы взгляда (ср.: «Я столько лет любовь в душе Гасила и гасила»), душа здесь – это голос одного, а не многих, не мира, но личности. «Петь» можно сообща – пусть даже не то, что поет хор [Мишанкина 2014 : 39].

Действительно, в настоящее время термин «концепт» можно считать общепринятым, однако содержание этого термина понимается исследователями по-разному. Так как концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, появляется большой простор для ее широкого толкования. «Концепт, – отмечают лингвисты, – рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня последней концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный».

Поэтому в можно выделить несколько основных образных воплощений концепта «душа»:

1. Душа как вместилище, сосуд – она может быть пустой (опустошенной) или полной (заполненной); кроме этого, душа может быть тайником, хранилищем, сокровищницей. Сюда же относится представление о невозможности увидеть душу и ее содержимое, о непроницаемости ее для чужого взгляда. Душа выступает как синоним индивидуальности, личности.

Также можно добавить, что душа может принимать некие размеры (может быть великой или мелкой) и что в ней могут одновременно присутствовать.

2. Душа как ткань, полотно или завеса.

3. Душа как воздух.

4. Душа со свойствами физического тела, как некий орган.

5. Душа как струны, нити, фибры или жилы.

Концепт «Душа» в произведениях Евгении Мишанкиной представлен различными средствами художественной выразительности. Основная их особенность заключается в том, что частотность употребления концепта в поэзии и в прозе совпадает.

Как мы убедились, функционирование концепта «Душа» в поэзии Е. Мишанкиной представляет собой обычность и может интерпретироваться как показатель неактуальности, незначимости для него повседневного присутствия в мире людей. Для поэзии важно «предстание сущего бытию как Бытию, а даже не бытию в мире или бытию друг с другом».

Многообразие различных предложений с концептом «душа» в творчестве автора свидетельствует о высоком уровне метаосмысления, многочисленных попытках познать себя и окружающий мир. Особенности поэзии и прозы в употреблении концепта «душа» также совпадают, что характеризуется употреблением автором одинаковых синтаксических конструкций в прозе: предложений по цели высказывания, по интонации, по наличию главных членов, по наличию или отсутствию второстепенных членов, по наличию или отсутствию необходимых членов, по структуре. Наиболее часто употребляемыми односоставными предложениями с концептом «душа» как в прозе, так и в поэзии Евгении Мишанкиной являются определённо-личные и неопределённо-личные предложения. Среди сложноподчинённых предложений были выявлены наиболее употребляемые автором типы придаточных: изъяснительно-объектный – собственно изъяснительно-объектный и присубстантивно-атрибутивный – атрибутивно-распространительный тип.

БИБЛИОГРАФИЯ

БАСРЯ 2004 – Большой академический словарь русского языка : В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. – СПб. : Изд-во «Наука», 2004. – 783 с.

Даль 1989 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. – М. : Цитадель, 1989. – 1465 с.

КСКТ 2007 – Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Наука, 2007. – 379 с.

Мишанкина 2014 – Мишанкина Е. И. Цвет счастья / Евгения Мишанкина. – Николаев : Иллион, 2014. – 172 с.

Ожегов 1996 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд. Стереотип. – М. : Оникс, 1996. – 835 с.

Ожегов 1995 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – Москва : Мир и образование, 1995. – 736 с.

Потебня 1993 – Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев : Лабиринт, 1993. – 527 с.

ППРН 1997 – Пословицы и поговорки русского народа (из сборника В. И. Даля). – М. : Наука, 1997. – 321 с.

СРЯ 1991 – Словарь русского языка : в 4-х т. – М. : Цитадель, 1991., Т. 1 (МАС). – 736 с.

СРЯ 1995 – Словарь русского языка в 4-х томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Наука, 1995. Т. I. – 782 с.